

Новые Известия. - 2001. - 14 марта. - с. 7. Константин Кедров, «Новые Известия»

Верни мою душу

Юнна Мориц,
«Таким образом», СПб.,
«Золотой век», 2000

Поэты да и читатели XXI века полностью утратили интерес к так называемой реальности. Всех втянула в себя неизведанная стихия языка. Оказалось, что язык сам по себе клокочущий океан, где гаятся тысячи новых одиссей. Вот и Юнна Мориц отправилась в очередное странствие, чтобы талантливо и умно проскочить между Сциллой сложности и Харибдой простоты. Писать просто на самом деле совсем не просто. Это удастся только очень талантливым: «Жизнь драгоценная моя / дорожке всех наград, / включая должность соловья / на фабрике рулад». Это просто, проще не бывает или, как говорит Александр Еременко, который, кстати, вот уже десять лет практически молчит: «Примитивно, а надо еще примитивней». Кому-то надо еще примитивней, а кому-то еще сложнее. И никто не знает, как надо. Впрочем, Мориц знала, но никогда не писала, как надо. «Уже и Гитлера простили / и по убитым не грустят. / Поэзию большого стиля / посмертно, может быть, простят — / за то. Что не тому дала, / когда давалкою была». Нет, поэзию никогда не простят. Она, по словам Маяковского, как гвоздь в сапоге, кошмарнее,

чем фантазия у Гёте. Она все время напоминает о существовании чего-то другого. И когда скучный отряд филологических мальчиков с ученым видом знатока рассказывает нам, что Пушкин — гениальный поэт, это еще хуже, чем целить в поэтический пах. Пах, он всегда распахнут, стреляйте, кому не лень. Правда, потом почетно захоронят под громоздким обелиском, но Мориц лучше всех об этом сказала: «Я так невелика, / что предпочту лежать / в горшке с геранью — / в земле, достаточной для одного цветка».

Сегодня редуцирующая читательская аудитория твердо убеждена, что ва-

жен не Шекспир, а рассуждения о нем. Шекспир, он, как и Моцарт, не достоин сам себя. Сборник Юнны — досадное напоминание о том, что поэзия творится не на кафедрах, не в издательствах и редакциях, а черт знает где. Может быть, в пустыне, а может быть, в привокзальной пивной. Поэзия, говоря словами Мориц, «трепетный отброс». Мнение о поэзии и поэтах у народа и власти в целом единое: «Изменился климат. Вымерли подчистую / мамонты. Динозавры — и что?.. А то, / что, сидя на рельсах задницей и протестуя, / вы прогрессу мешаете, как никто».

Юнна Мориц заговорила другим языком. Это не бег за уходящим поездом. Это, если хотите, прямая речь. Если поэты говорят, как все, не верьте им, они притворяются. «Какой там у Кафки — кафказ? / Кафказ — это наши кафказы, / кафказменной жизни оргазмы, / кафказней кафказменных спазмы, / где кафкает казней покказ... / Кафказ подо мною...». Непривычно? Хотите перевести сие на привычный псевдопростой язык? Пожалуйста: «В Москве — сезон мероприятий, / раздача нищеты и благ, / концерт восторгов и проклятий, / орда голодная собак / и сытость песьих людоедов — / у них мордасы белых крыс / (один, хозяйкой пообедав, младенца на закуску сгрыз). / В подвезде с револьвером киллер / свою с работы жертву ждет / и смот-

рит у вахтера триллер, / что в телеящике идет».

И все же Юнна Мориц была, есть и будет прежде всего лириком, поэтом любви. Не спешите хоронить лирику или объявлять ее старомодной. Мы же еще не одичали до стадии самых передовых стран, где человеческую любовь почему-то называют «романтической». То, что не романтическое, то и не любовь вовсе. Романтизм не выдумка, а природа. Со временем. Возможно, нормальный обед из трех блюд назовут романтической кулинарией, а насыщение гамбургером в подземном переходе будет считаться нормой, но, даст Бог, этого не случится. Я думаю, что марксизм благополучно издох на российских равнинах из-за того, что в нем нет поэзии. И рыночная экономика вянет и дохнет, потому что она без лирики. «Дрожание губы / и скрежет плаща — / друг другу не любви / мы больше. Прощай! / Неправедно, парень, / ты делишь ломоть: / верни мою душу, / возьми мою плоть!». Как-то незаметно отчалили мы от XX века и вот уже плывем в XXI. И поют нам все те же сирены — Юнна Мориц и Белла Ахмадулина — свои смертельно опасные песни. И сколько ни затыкай уши воском, а: «На эти звезды плыть, читая книгу света, / в пустыне водяной, питаемой волной, / на мачте птица спит, в ее головке спето / три лета, три весны, / глаза под пленой».